ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 18–29
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 18–29

Оригинальная статья
УДК 167
http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-5-18-29

От классической (А. Баумгартен) к неклассической (И. Кант) научной рациональности в обосновании связи научного и художественного познания

Денис Антонович Техов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
VincentCDR@gmail.com, https://orcid.org/0009-0009-9076-674X

Введение. В философской системе И. Канта эстетическая способность суждения, соотносимая многими авторами с художественным познанием, лишена эпистемологического смысла. В связи с этим ставится вопрос о возможности говорить о художественном познании и его связи с научным в рамках кантовской философии. Цель статьи – разрешить данную проблему через обращение к интеллектуальной связи И. Канта с А. Баумгартеном, оказавшим на него заметное влияние. Актуальность обращения к наследию А. Баумгартена обусловлена тем, что в последние два десятилетия впервые вышли переводы его «Метафизики» на английский и «Эстетики» на русский язык.

Методология и источники. Вопрос связи научного и художественного познания рассматривается в методологии исторической эпистемологии, позволяющей обращаться к историко-философским аспектам формирования научного метода для решения актуальных проблем философии науки. При анализе взглядов А. Баумгартена и И. Канта используется классификация типов научной рациональности В. С. Стёпина, применение которой к связи научного и художественного познания предложено С. Я. Невкрытой. Источниковую базу составляют тексты Баумгартена, Канта и работы исследователей, которые также осмысливали данную проблему.

Результаты и обсуждение. В статье рассматривается философское осмысление связи научного и художественного познания посредством сравнения чувственного познания человека и идеи интеллекта Бога у А. Баумгартена. У И. Канта, который отказывается от идеи Бога как основания сравнения двух видов познания, происходит сужение смысла художественного познания до эстетической способности суждения.

Заключение. Делается вывод, что рефлексия связи двух видов познания у А. Баумгартена соответствует позиции классической научной рациональности, а у И. Канта – неклассической.

Ключевые слова: Кант, Баумгартен, научное познание, художественное познание, чувственное познание, научная рациональность, эстетическое суждение

Для цитирования: Техов Д. А. От классической (А. Баумгартен) к неклассической (И. Кант) научной рациональности в обосновании связи научного и художественного познания // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 18–29. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-5-18-29

© Техов Д. А., 2026
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 18–29
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 18–29

Original paper

Classical (Baumgarten) and Non-Classical (Kant) Scientific Rationality as the Foundation of the Interconnection between Scientific and Artistic Knowlendge

Denis A. Tekhov

Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia
VincentCDR@gmail.com, https://orcid.org/0009-0009-9076-674X

Introduction. In Kant's philosophical system, the aesthetic power of judgment – which many authors associate with artistic cognition – lacks epistemological meaning. This raises the question of whether artistic cognition and its connection with scientific cognition can be meaningfully discussed within Kant's philosophy. The aim of this article is to resolve this problem by examining the intellectual relationship between I. Kant and A. Baumgarten, who exerted a significant influence on him. The relevance of turning to Baumgarten's legacy is determined by the fact that the last two decades have seen the first translations of his Metaphysics into English and his Aesthetics into Russian.

Methodology and sources. The connection between scientific and artistic cognition is explored within the methodology of historical epistemology, which allows us to address current issues in the philosophy of science by examining the historical and philosophical aspects of the formation of scientific method. In analyzing the views of A. Baumgarten and I. Kant, the study employs the classification of types of scientific rationality proposed by V.S. Stepin, whose application to the connection between scientific and artistic cognition was suggested by S.Ya. Nevkrytaya. The sources include texts by Baumgarten and Kant, as well as works by scholars who have reflected on this problem.

Results and discussion. The article examines the philosophical understanding of the connection between scientific and artistic cognition through a comparison of human sensory cognition and the idea of the divine intellect in A. Baumgarten's thought. For I. Kant, who rejects the idea of God as the basis for comparing the two types of cognition, the meaning of artistic cognition is narrowed down to the aesthetic power of judgment.

Conclusion. It is concluded that Baumgarten's reflection on the connection between the two types of cognition corresponds to the position of classical scientific rationality, while Kant's corresponds to non-classical scientific rationality.

Keywords: Kant, Baumgarten, scientific cognition, artistic cognition, sensory cognition, scientific rationality, aesthetic judgment

For citation: Tekhov, D.A. (2026), "Classical (Baumgarten) and Non-Classical (Kant) Scientific Rationality as the Foundation of the Interconnection between Scientific and Artistic Knowlendge", *DISCOURSE*, vol. 12, no. 5, pp. 18–29. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-5-18-29

Введение. То обстоятельство, что А. Баумгартен оказал существенное влияние на формирование философской системы И. Канта, – факт, хотя и не широко, но известный как в отечественной, так и в зарубежной науке. В своих лекционных курсах докритического периода И. Кант опирался на труды А. Баумгартена, но по мере выхода критической трилогии это влияние уменьшалось. Однако нельзя сказать, что оно исчезло полностью: вплоть до старости И. Кант перечитывал наследие своего предшественника [1, с. 124–125]. Несмотря на известность всех этих обстоятельств до недавнего времени вопрос об этой преемственности

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 18–29
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 18–29

был недоступен широкой научной публике. Отчасти дело в том, что слишком значительно И. Кант отошел от баумгартеновской мысли, когда давал определение эстетике в своей «В критике способности суждения». Более существенно то, что главные труды А. Баумгартена «Метафизика» и «Эстетика» были написаны на латыни по распространенному убеждению языком сложным, изобилующим специальными терминами и оборотами [2]. В рамках последних двух десятилетий впервые вышли на английском перевод баумгартеновской «Метафизики» (2011) [3] и русский перевод его «Эстетики» (2021) [4]. В связи с этим появляются работы, посвященные значению Баумгартена в различных областях [5–7]. В контексте вопроса о взаимосвязи научного и художественного познания мы обращаемся к А. Баумгартену, так как в его трудах обнаруживаем потенциально близкое художественному познанию понятие, так называемое «чувственное познание» (cognitio sensitiva[1] [8, с. 6], facultas cognoscitiva inferior [9, с. 179–180]), связь которого с научным или, по А. Баумгартену, «интеллектуальным познанием» (facultas cognoscitiva superior, intellectus [9, с. 228]) имеет у философа свое объяснение. Это обращение также позволяет составить базу для более основательного с историко-эпистемологической точки зрения рассмотрения вопроса о взаимоотношениях научного и художественного познания у И. Канта через его связь с наследием А. Баумгартена.

Методология и источники. Сравнивая художественное познание у А. Баумгартена и И. Канта, мы обращаемся к типологии научной рациональности, предложенной В. С. Степиным [10, с. 280–288]. В контексте изучения связи научного и художественного познания такое обращение впервые выполнила исследовательница С. Я. Невкрытая [11]. В частности, она предложила видеть в трактовке вопроса И. Кантом первое рассмотрение с позиций неклассической научной рациональности. Вышедшие переводы А. Баумгартена позволяют дополнить такое рассмотрение, обратившись также к тому, что, как мы полагаем, следует считать рассмотрением с позиций классической научной рациональности.

Следует сказать, что обращения к И. Канту в рамках исследований, посвященных взаимосвязи двух видов познания, носят разрозненный характер, и каждый раз необъятный корпус кантовской мысли предстает в интерпретациях в соответствии с отдельными исследовательскими задачами [11–15]. В этом смысле нельзя сказать, что существует внутреннее развитие мысли об И. Канте именно в рамках специальных исследований этой взаимосвязи. Однако связь может быть не только внутренняя для отдельного вопроса, но и внешняя, подразумевающая связь с общефилософской традицией. Это общая предпосылка, на наш взгляд, заключена в том, что И. Кант воспринимается как философ, который разделяет философскую мысль Просвещения и Романтизма («Кант есть последняя и наиболее совершенная формула эстетического классицизма и в то же самое время первая, правда, пока еще не разработанная, но все-таки весьма отчетливая формула романтизма» [16, с. 350]).

В контексте взаимосвязи исследований двух видов познания такой взгляд на И. Канта в наибольшей степени оказывается представлен в диссертационном исследовании «Природа художественного познания в контексте научной рациональности» С. А. Невкрытой [11]. Автор, опираясь на трактовку научной рациональности у В. С. Швырева [17, с. 484], предлагает рассматривать истоки неклассической открытой научной рациональности у

[1] Здесь и далее латинские термины приводятся по латинскому изданию «Эстетики» и «Метафизики» [8; 9].

И. Канта [11, с. 56]. В такой интерпретации неклассическая рациональность связана с рефлексией несовпадения между Реальностью и схемами, структурирующими нашу информацию о ней [11, с. 53], что во многом впервые предпринимается у И. Канта. Открытия, которые И. Кант делает в отношении научного познания посредством переосмысления научной рациональности, относятся и к художественному познанию (автор не выделяет специальной художественной рациональности). По мнению исследовательницы, в отношении этого вида познания И. Кант убедительно показывает, как в него оказывается включенным «активно действующий» субъективный компонент, когда субъект познания «не противостоит картине мира, а включен в нее» [11, с. 78].

Как нам представляется, смысл художественного познания как постнеклассического наиболее отчетливо раскрывается в работе «Место и роль моделирования в системе научного и художественного познания» Г. А. Стакуна [14]. Автор во многом предлагает отойти от И. Канта в том смысле, что в кантовской эпистемологии эстетики не находит своего отражения фактор влияния процесса познания на структуру реальности, прежде всего социальной. По мысли Г. А. Стакуна (аппелирующего к М. Хайдеггеру), художественное познание структурирует реальность посредством художественных моделей, так, например: «Сам по себе храм является не просто архитектурным сооружением, а выступает в качестве своеобразной модели мира, которая, однако, представляет мир не как дистанцированный от нас объект, а как то, во что мы сами включены в качестве его составляющих» [14, с. 85].

Среди отечественных исследований П. В. Копнин, один из ранних исследователей связи двух видов познания, по-видимому, первым противопоставил познавательное содержание эстетики И. Канта и А. Баумгартена в этом контексте [12, с. 255–257]. Это противопоставление неслучайно не только в силу широкого и задокументированного интереса И. Канта к наследию А. Баумгартена. У его предшественника мы обнаруживаем понятие, которое оказывается сопоставленным П. В. Копниным с художественным познанием «чувственное познание», чего, строго говоря, у И. Канта нельзя обнаружить из-за особенного рассмотрения им смысла познавательной способности рассудка. По мысли П. В. Копнина, разница между двумя точками зрения сводится к тому, что И. Кант в своих критиках разъединяет чувственное и логическое начала, в то время как в баумгартеновском чувственном познании они пребывали в единстве. П. В. Копнин полагал, что возможно возродить идею А. Баумгартена на новом основании в рамках материалистической мысли.

Указать на принципиальное эпистемологическое различие между взглядами двух философов можно обратившись к американскому баумгартоведу и кантоведу К. Фьюгейту. Он предлагает обратить внимание на один из комментариев И. Канта к первому параграфу баумгартеновской «Метафизики», в котором дается определение метафизики как науки о первоосновах человеческого познания. К. Фьюгейт утверждает, что это положение следует понимать в качестве указания на смысл метафизики как рассмотрения неполноты человеческой природы в сравнении с природой Бога. Иначе говоря, А. Баумгартен рассматривает основания человеческого познания посредством сравнения совершенных божественных форм чувствования и их несовершенных человеческих форм. В этом смысле, полагает исследователь, учение о «чувственном познании» является по существу творческим переосмыслением наследия «позитивной» и «негативной» теологии [18, с. 58]. В своих комментариях

И. Кант придает иной смысл началу «Метафизики» А. Баумгартена: он воспринимает вопрос о первоначалах познания как вопрос о возможности метафизики в качестве человеческой науки. Проще говоря, если в трудах А. Баумгарена идет сопоставление человеческого познания с совершенным божественным, то у И. Канта ставится проблема оснований человеческого познания внутри психики и отделения познания от других способностей души, которые познанием не являются.

Следует сказать, что большая часть историко-философских исследований связи двух философов указывает, что проект чувственного познания оказал значимое влияние на критический проект И. Канта в целом. Таким образом, если признавать за чувственным познанием форму художественного познания, то уже в этом есть определенная связь не только с «Критикой способности суждения», но и со всей системой «Критик» И. Канта. Как указывает И. С. Нарский, к проявлениям этой интеллектуальной связи можно отнести несколько вещей, в частности, баумгартоновская мысль подготовила почву для формирования у И. Канта понятия «трансцендентальной эстетики» [19, с. 46].

Хотя И. Кант и почитал А. Баумгартена как «блестящего метафизика», он все-таки упрекает его в числе прочих «догматиков» в легкомысленном отношении к основам метафизики. Как указывает К. Фьюгейт [3, с. 25], сомнение, которое заставляет И. Канта отвергнуть «Метафизику» А. Баумгартена и с которым для нас связан переворот в видении взаимосвязи научного и художественного познания, направлено на универсальность божественного интеллекта. Если человеку доступно, по логике А. Баумгартена, лишь чувственное познание (в том смысле, что интеллектуальное познание есть лишь степень чувственного познания), то каким образом, как бы задается вопросом И. Кант, исходя лишь из этой способности, мы оказываемся способны рассматривать интеллект Бога и находящиеся в его обладании универсальные принципы? Для И. Канта невозможность этого очевидным образом разрушает основание сравнительной методологии «Метафизики» и «Эстетики» А. Баумгартена. Об этом он пишет в примечании к §1 «Критики чистого разума», когда указывает, что теория «превосходного аналитика» Баумгаретна не может быть верной в том случае, если оказывается, что оценка прекрасного связана не с «общими принципами разума» и «критериями», что действительно позволило бы возвести ее в ранг науки, а укоренена исключительно в данных опыта [20, с. 53].

Результаты и обсуждение. В §519 «Метафизики» А. Баумгартен определяет «познание» (facultas cognoscitiva) как активную способность знать о вещах (cognoscendi) [9, с. 180]. Знание о каждой отдельной вещи, являющее себя в виде представления (repraesentatio, §520 [9, с. 180]), может быть само более или менее отчетливым (distincte) и находиться с другими познаниями в большей или меньшей согласованности (consensus [10, с. 8], ordinis, perfectio[2] [9, с. 96]). В контексте раскрытия знания о вещах он выделяет низшее *чувственное* познание, в котором представление предстает смутно, и высшее *интеллектуальное* познание, в котором представления сравнительно более отчетливы. В то же время в полном смысле отчетливость и согласованность доступна только интеллекту Бога, который создает (буквально осуществляет) своим представлением реальность, а человеческая способность познания есть лишь стремление к отчетливости и согласованности, а не обладание ими в пол-

[2] В §94 «Метафизики» А. Баумгартен указывает, что согласованность есть совершенство (consensus ipse est perfectio).

ном смысле, т. е. в форме божественного знания. Так, в §6 пролегоменов к «Эстетике» А. Баумгартен указывает, что чувственное познание является человеческим познанием, а в §870 «Метафизики» он указывает, что Бог не обладает чувственным знанием о вещах из-за наличия в его распоряжении исчерпывающего отчетливого интеллектуального знания. Поскольку вещи есть мысли Бога, а человеческие представления тоже есть мысли, хотя и менее совершенные, мир оказывается возможным познать.

Человеческое интеллектуальное познание является также несовершенным в том смысле, что в нем отчетливость достигается направленностью души на отдельный объект посредством извлечения из внимания других объектов. Божественный же интеллект знает все вещи и связи вещей между собой отчетливо. Философская рефлексия интеллектуального познания связана в таком случае с исследованием эпистемологического содержания представлений. Любое исследование представлений непременно ведет к пониманию отчетливости, поскольку отчетливые представления реальны на самом деле (посредством существования в интеллекте Бога). Однако это уводит нас от изучения чувственного познания, так как его главным признаком является смутность представлений. Как предполагает в §17 и §22 «Эстетики» А. Баумгартен, чтобы избежать этой проблемы, мы должны сделать предметом эстетики другую составляющую познания – универсальные принципы согласованности суждений, так называемые «критерии» чувственного познания [20, с. 53], совокупно обозначаемые как Красота. Подчеркнем, что речь здесь не о видах согласованности (например, причинно-следственная связь), а о качествах связей. Обозначение любви матери к ребенку как благородной относится к качеству связи. Также в риторическом рассуждении, хотя аргументы-представления могут быть одновременно недостаточно отчетливы, например, для задач интеллектуального познания, и в то же время более качественны в смысле соотношения отдельных частей к целому.

А. Баумгартен полагает, что у каждой связи есть некоторые универсальные логические принципы, общие в каждой отдельной связи. По А. Баумгартену, человеку Красота становится доступна не сама по себе как целое, а в качестве этих универсальных принципов, присутствующих в каждой отдельной связи. Они, не подразумевая обязательный переход к отчетливым представлениям [21, с. 20], являются предметом эстетики. Эти принципы (богатство, величие, истина, свет, убеждение, жизнь), как указывает С. Тедеско [21, с. 25–27], правильно называть критериями вкуса, причем в том смысле, что они используются для построения правильного, научного (по мысли А. Баумгартена) [22, с. 570] или же можно было бы сказать просвещенного чувственного познания. Принципом выделения критериев для А. Баумгартена является не внутреннее ощущение, а предшествующий опыт изучения вопроса его предшественниками (по преимуществу в античной традиции). Из этих разрозненных знаний он выстраивает единую систему эстетики.

Хотя мы и ограничиваемся в исследовании внутри эстетики лишь особыми чувственными критериями согласованности, это вовсе не значит, что эти критерии не имеют отношения к научно-интеллектуальному знанию. Об этом А. Баумгартен пишет в § 3 пролегоменов к «Эстетике», раскрывая, что выведенные в эстетике законы логики низшего познания 1) предоставляют «хорошую материю для тех наук, которые по преимуществу познаваемы интеллектом», 2) позволяют «результаты научного познания» приспособить «к уровню по-

нимания любого человека», 3) «совершенствует познание, выводя его даже за пределы отчетливо познаваемых нами вещей» [4, с. 40–41]. Важно упомянуть, что для А. Баумгартена граница между наукой и искусством проницаема. Так в §10 пролегоменов он указывает, что по мере совершенствования оснований всякого искусства происходит отдаление от укорененности в опыте, и в этом процессе искусство становится наукой, что почти дословно предваряет посыл отечественного искусствоведения 1920-х, в рамках которого сформировалось понятие художественного познания. Более того, полагает А. Баумгартен, положениям эстетики в будущем предстоит обрести проверяемость опытом, что дополнительно упрочит положение эстетики среди других наук. Вот какого рода, как мы полагаем, соединение логики (универсальной согласованности) и чувства (познания смутных представлений) происходит у А. Баумгартена.

Таким образом, нам представляется, что А. Баумгартен в своем исследовательском проекте занимает позицию классической или же закрытой научной рациональности. Во-первых, красота у него является объективно существующей, противопоставленной автономному человеческому интеллекту. Во-вторых, он выводит критерии чувственного познания, позволяющие строить наиболее правильно процесс познания. Если говорить о связи научного и художественного познания в логике А. Баумгартена, то художественный и научный виды познания представляют собой один и тот же процесс, отличающийся только степенью отчетливости представлений. В этом смысле изучение художественного познания является вспомогательным для научного (1 – на этапе сбора материала для дальнейшего исследования; 2 – на этапе распространения знаний; 3 – на этапе формирования новых научных областей, где еще нет «отчетливых» представлений о предмете) и обладает потенциалом выхода за пределы себя в область научного познания. Совершенная согласованность, исследуемая в науке о чувственном познании, подразумевает не только полную связанность вещи с каждой другой вещью посредством причин и следствий, но и качественную определенность этих связей. Наличие у связей эстетических качеств гарантируется интеллектом Бога, получением от него существования настолько же реального (познаваемое), как и существование Природы.

Поскольку мы уже рассмотрели смысл эпистемологического исследования «чувственного познания» у А. Баумгартена как изучение универсальных принципов согласованности связанности, то, следовательно, нас должен интересовать вопрос о том, в каком смысле такая связанность понимается у И. Канта и может ли она относится к художественному познанию. Как далее мы выясним, мысль И. Канта между «Критиками» в этом отношении прошла через определенную эволюцию.

В «Критике чистого разума» (§15) связь рассматривается как принадлежащая исключительно рассудку. Так, понятие связи (conjunctio) между предметами, полагает И. Кант, берется не из созерцания (к основаниям которого И. Кант применяет название трасцендентальной эстетики), в котором мы лишь воспринимаем отдельный предмет, а благодаря, как указывается в §16, *единству* «Я» («единство апперцепции»): «В самом деле, многообразные представления, данные в некотором созерцании, не были бы вместе моими представлениями, если бы они не принадлежали все вместе одному самосознанию» [20, с. 106]. Этот принцип у И. Канта оказывается в §17 первоначалом чистого рассудочного познания.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 18–29
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 18–29

В дальнейшем И. Кант создает «Критику способности суждения» (изначально озаглавленную как «Критика вкуса»), в которой он все-таки хочет обнаружить «автономию» эстетики (эстетической способности суждения) относительно рассудка в качестве познавательной способности [23, с. 23]. Как указывает И. С. Нарский в «Критике способности суждения», И. Кант расходится с А. Баумгартеном в большей степени, нежели в «Критике способности суждения», которую можно понимать как частичное возвращение к баумгартеновской эпистемологии эстетики [19, с. 46].

И. Кант определяет способность суждения как «способность мыслить особенное как подчиненное общему» [20, с. 755]. Философ объясняет, что есть две стороны способности суждения: одна, подразумевающая нисхождение от общего к особенному (определяющая) и другая – от особенного, мыслящая восхождение к общему (рефлектирующая). Указывается, что первый случай можно было бы объяснить законодательством рассудка, однако, когда речь заходит о втором, то выясняется, что рассудок не всегда имеет в себе основания подводить особенное под общее и, следовательно, для этого должен быть особый априорный принцип [20, с. 756]. Этот принцип называется «принципом формальной целесообразности природы» и положен в основу телеологических суждений. На наш взгляд, принцип целесообразности природы, подразумевающий наличие в нашем сознании убеждения в том, что отдельные законы природы все-таки можно свести в единую систему, в некотором роде сравним с баумгартеновским интеллектом Бога, как раз таким единством являющимся («интеллект Бога есть высшая наука» [3, с. 295]). Разница тут в том, что в баумгартеновском понимании из общего выводится частное, и принцип оказывается не эвристическим, т. е. проявлением не классической рациональности, а механистическим, подразумевающим Бога, как вполне механическую причину.

В п. III введения мы сталкиваемся с тем, что способность суждения соотносится с чувством удовольствия и неудовольствия, которые заложены в основания эстетической способности суждения. Рассуждение об эпистемологии удовольствия впервые появляется только в «Критике практического разума». Там удовольствие вызывается обнаружением соответствия: «удовольствие есть представление о соответствии предмета или поступка с субъективными условиями жизни»). В «Критике способности суждения» смысл весьма похожий: так же удовольствие от соотнесения, но уже особенного с общим в Природе и в душе. В п. VI Введения объясняется, в каких отношениях удовольствие находится с рассудком: «В самом деле, если совпадение восприятий с законами согласно всеобщим понятиям природы не оказывает в нас никакого влияния на чувство удовольствия – да мы и не можем находить в себе такое влияние, так как рассудок действует здесь необходимым образом непреднамеренно, согласно своей природе, то, с другой стороны, обнаруживаемая совместимость двух или более эмпирических разнородных законов природы под одним охватывающим их принципом есть основание весьма заметного удовольствия» [20, с. 763]. Таким образом, в отдельных случаях телеологическая способность суждения может вызывать чувство удовольствия, т. е. дать материал для эстетической способности суждения, ведь, по существу, «то субъективное в представлении, что не может стать моментом познания, – это связанное с представлением удовольствие и неудовольствие, ибо через них я ничего не познаю в предмете представления, хотя они вполне могут быть результатом какого-нибудь познания» [20, с. 765].

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 18–29
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 18–29

Д. Н. Разеев, обращаясь к первой версии введения к «Критике способности суждения», обращает наше внимание, что первоначально для И. Канта существовала особенная внутренняя связь между эстетической и телеологической способностями [23, с. 28]. Дело в том, что целесообразность природы не содержится в вещах в себе (по крайней мере, мы не можем этого утверждать, подчеркивает И. Кант), а лишь представляет из себя эффективный регулятивный принцип нашего познания. Изначально неопределенное представление о том, что природа устроена вообще целесообразно, И. Кантом соотносилось с эстетическими суждениями, а более конкретные суждения о целесообразности отдельных предметов им рассматривались как телеологическая способность, которая в таком смысле была лишь частным случаем применения первой. Однако впоследствии И. Кант отошел от этой идеи.

В конечном итоге И. Кант приходит к утверждению, что эстетическая способность вообще не имеет эпистемологического значения: «Эстетическое суждение о целесообразности объекта, которое не основано на имеющемся понятии предмета, и не создает понятие о нем» [20, с. 766]. Таким образом, баумгартеновская посылка сохраняется, но демонтирована его метафизика, позволявшая говорить о возможности особого познания без отчетливых представлений. Яснее становится то, в каком смысле, как утверждал И. С. Нарский, в «Критике способности суждения» баумгартеновская эстетика представлена без ее познавательной части (в то время как в «Критике чистого разума» та же эстетика представлена без эстетической части) [19, с. 46]. Сам же И. Кант объясняет это обстоятельство тем, что, как мы помним, чувства удовольствия и неудовольствия и присутствуют неизбежно в процедуре познания, однако сами эти чувства ничего не дают «в предмете представления». В случае телеологической способности суждения, поскольку в ней акцент сделан на представлении о целесообразности природы, то она, как указывает Д. Н. Разеев, может использоваться нами для выработки методологии нашего познания природы, а значит, косвенным образом все же служить целям познания [23, с. 46].

Мы полагаем, что связь научного и художественного познания у И. Канта можно рассматривать в двух плоскостях. Во-первых, в том смысле, в каком «чувственное познание» А. Баумгартена соотносится с критическим проектом И. Канта в целом. Во-вторых, внутри философской системы И. Канта эстетическая способность суждения является одним из мотивов научного познания: более общие научные законы интересны потому, что они вызывают в нас удовольствие.

Заключение. Таким образом, в рассмотрении чувственного познания А. Баумгартена мы сталкиваемся с элементами классической закрытой научной рациональности. К таким элементам относятся: 1) закрытый предмет Красоты, самостоятельно существующий в качестве объекта через сознание Бога; 2) универсальные принципы отчетливости и согласованности между наблюдаемым и представлением наблюдателя; 3) критериальный подход в осуществлении познавательного процесса. Связь между научным и художественным познанием прослеживается через легитимность эстетических критериев для научного познания, в невозможности выхода за пределы чувственного познания даже в научно-интеллектуальном познании. Обращаясь к взаимосвязи двух видов познания у И. Канта, мы должны понимать, что два вида познания не должны быть гарантированы через внешнее относительно человеческого сознания знание Бога. Следовательно, обнаруживаться их связь должна во внутрен-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 18–29
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 18–29

нем устройстве человеческого интеллекта. На наш взгляд, уже этого достаточно для понимания, в чем кантовское рассмотрение являет собой принципы неклассической рациональности. В то же время следует сказать, что поскольку чувственное познание может пониматься как вдохновляющий принцип всего критического проекта в целом как учения об основаниях человеческого познания, то оно, т. е. чувственное познание, распадается на все составляющие «критик», т. е. на чистый и практический разум и на способность суждения. Поскольку мы считаем легитимным соотносить чувственное познание с художественным, то мы, следовательно, должны говорить в случае И. Канта об ограничении смысла художественного познания, обнаружении внутри чувственного познания особой исключительно художественной способности. Эта способность соотносится с научным познанием в контексте тех психологических механизмов, которые заложены в основание научного познания как стремления к все более общим и вызывающим все большее удовольствие законам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванов В. Л. «Метафизика» Баумгартена в традиции немецкой школьной философии XVIII в. Предисловие к переводу // EINAI: Проблемы философии и теологии. 2012. Т. 1, № 1/2 (1). С. 108–140.

2. Захарова И. И. Трудности перевода «Метафизики» А. Г. Баумгартена с латыни на русский язык // Ломоносов-2021: материалы XXVIII Междунар. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Севастополь, 21–23 апр. 2021 / Филиал МГУ в г. Севастополе. Севастополь, 2021. С. 99–101.

3. Baumgarten A. G. Metaphysics: a critical translation with Kant's elucidations, selected notes, and related materials / transl. and eds. by C. D. Fugate, J. Hymers. London: Bloomsbury Publ., 2013.

4. Баумгартен А. Г. Эстетика / пер с лат. Г. С. Беликова, А. В. Белоусова, Д. В. Бугая и др.; под общ. ред. А. В. Белоусова, Ю. А. Шахова. М.: Изд-во ун-та Дмитрия Пожарского, 2021.

5. Загидуллина М. В. Автономность эстетического как фундаментальное основание науки эстетики // Terra Aestheticae. 2022. № 2–1 (10). С. 11–28.

6. Коломиец Г. Г. Искусство и наука как предмет эстетической гносеологии // Вестн. РУДН. Сер. Философия. 2024. Т. 28, № 3. С. 796–810. DOI: https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-3-796-810

7. Круглов А. Н. Критика циклопической учености в немецкой философии XVIII века // Вестн. Московск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2023. Т. 47, № 5. С. 69–89. DOI: 10.55959/MSU0201-7385-7-2023-4-69-89

8. Baumgarten A. G. Aesthetica scripsit. Frankfurt a. O.: Impens. I. C. Kleyb, 1750.

9. Baumgarten A. G. Metaphysica. Magdeburg: Impens. C. H. Hemmerde, 1779.

10. Степин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура / под ред. Л. П. Киященко, В. С. Степина. СПб.: Міръ, 2009. С. 249–295.

11. Невкрытая С. А. Природа художественного познания в контексте научной рациональности: дис. … канд. филос. наук / Моск. пед. гос. ун-т. М., 2007.

12. Копнин П. В. Гносеологические и логические основы науки. М.: Мысль, 1974.

13. Свирский С. Я. Художественное познание мира и его роль в формировании научного материалистического мировоззрения студенческой молодежи: автореф. дис. … д-ра филос. наук / АН УзССР. Ташкент, 1975.

14. Стакун Г. А. Место и роль моделирования в системе научного и художественного познания: дис. … канд. филос. наук / ЧувГУ. Чебоксары, 2010.

15. Шилин В. Н. Художественная идея как предмет теоретического познания: дис. … канд. филос. наук / ЛГУ. Л.,1983.

16. Лосев А. Ф. Учение о стиле / под общ. ред. А. А. Тахо-Годи, Е. А. Тахо-Годи. М.; СПб.: Нестор-История, 2019.

17. Швырев В. С. О гуманитаризации современной научной рациональности // Человек. Наука. Цивилизация. К семидесятилетию академика В. С. Степина / отв. ред. и сост. И. Т. Касавин и др. М.: Канон+, 2004. С. 483–493.

18. Fugate C. D. Baumgarten on the Nature and Role of Metaphysics // Metaphysics as a Science in Classical German Philosophy / in R. Dunphy, T. Lovat (eds.). NY: Routledge, 2023. P. 50–72.

19. Нарский И. С. Философско-эстетические идеи А. Баумгартена как один из стимулов теоретического развития Канта // Кантовский сборник. 1985. № 10. С. 40–51.

20. Кант И. Критика чистого разума. Критика практического разума. Критика способности суждения / пер. с нем. Н. Лосского, Н. Соколова. СПб.: Азбука-Аттикус, 2024.

21. Тедеско С. Предисловие к итальянскому переводу «Эстетики» А. Г. Баумгартена // Баумгартен А. Г. Эстетика. М.: Изд-во ун-та Дмитрия Пожарского, 2021. С. 12–32.

22. Микешина Л. А. Становление эпистемологии гуманитарной науки // Философия и культура. 2015. № 4. С. 563–572. DOI: 10.7256/1999-2793.2015.4.14136

23. Разеев Д. Н. Телеология Иммануила Канта. СПб.: Наука, 2010.

Информация об авторе

Техов Денис Антонович – аспирант Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, Менделеевская линия, д. 5, Санкт-Петербург, 194034, Россия. Автор 10 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия науки, философия история, история античности.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 02.04.2026; принята после рецензирования 20.05.2026; опубликована онлайн 17.11.2026.

REFERENCES

1. Ivanov, V.L., (2012), “Metaphysica of A.G. Baumgarten within the Tradition of the German School Philosophy of the XVIIIth Century. An Introduction”, *EINAI: The Problems of Philosophy and Theology*, vol. 1, no. 1/2, pp. 108–140.

2. Zakharova, I.I. (2021), “Metaphysics" from Latin into Russian”, *Lomonosov-2021: Proc. of the XXVIII Int. Conf. of Students, Postgraduates, and Young Scientists,* Sevastopol, RUS, 21–23 April, pp. 99–101.

3. Baumgarten, A.G. (2013), *Metaphysics: A Critical Translation with Kant's Elucidations, Selected Notes, and Related Materials*, Transl. and ed. by. Fugate, C.D., Hymers, J., Bloomsbury Publ., London, UK.

4. Baumgarten, A.G. (2021), *Aesthetics*, Transl. by Belikov, G.S., Belousov, A.V., Bugay, D.V. et al., in Belousov, A.V., Shakhov, Yu.A. (ed.), Izd-vo un-ta Dmitriya Pozharskogo, Moscow, RUS.

5. Zagidullina, M.V. (2022), “Autonomy of the aesthetic as a basis of aesthetic theory”, *Terra Aestheticae*, no. (2–1) 10, pp. 11–28.

6. Kolomiets, G.G. (2024), “Art and Science as a Subject of Aesthetic Epistemology”, *RUDN J. of Philosophy*, vol. 28, no. 3, pp. 796–810. DOI: https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-3-796-810

7. Kruglov, A.N. (2023), “A critique of cyclopean scholarship in the German philosophy of the 18th century”, *Lomonosov Philosophy J*., vol. 47, no. 5, pp. 69–89. DOI: 10.55959/MSU0201-7385-7-2023-4-69-89

8. Baumgarten, A.G. (1750), *Aesthetica scripsit*, Impens. Kleyb, I.C., Frankfurt a. O., GER.

9. Baumgarten, A.G. (1779), *Metaphysica*, Impens. Hemmerde, C.H., Magdeburg, GER.

10. Stepin, V.S., (2009), “Classical, non-classical, post-classical: criteria differences”, *Postneklassika: filosofiya, nauka, kul'tura* [Post-Non-Classics: Philosophy, Science, Culture], in Kiyashchenko, L.P., Stepin, V.S. (ed.), Mir, Moscow, RUS, pp. 249–295.

11. Nevkrytaya, S.A. (2007), “The nature of artistic cognition in the context of scientific rationality”, Can. Sci. (Philosophy) Thesis, Moscow Pedagogical State Univ., Moscow, RUS.

12. Kopnin, P.V. (1974), *Gnoseologicheskie i logicheskie osnovy nauki* [Gnosiological and logical foundations of science], Mysl', Moscow, RUS.

13. Svirskii, S.Ya. (1975), "Artistic Cognition of the World and Its Role in Forming the Scientific Materialistic Worldview of Student Youth", Abstract of Dr. Sci. (Philosophy) dissertation, Academy of Sciences of the Uzbek SSR, Tashkent, USSR.

14. Stakun, G.A. (2010), "The Place and Role of Modeling in the System of Scientific and Artistic Cognition", Can. Sci. (Philosophy) Thesis, ChuvSU, Cheboksary, RUS.

15. Shilin, V.N. (1983), "Artistic idea as an object of theoretical cognition", Can. Sci. (Philosophy) Thesis, LSU, Leningrad, USSR.

16. Losev, A.F. (2019), *Uchenie o stile* [The doctrine of style], in Takho-Godi, A.A., Takho-Godi. E.A. (ed.), Nestor-Istoriya, Moscow, SPb., RUS.

17. Shvyrev, V.S. (2004), "On the humanitarization of contemporary scientific rationality", *Chelovek. Nauka. Tsivilizatsiya: k semidesyatiletiyu akademika V.S. Stepina* [Man. Science. Civilization: On the Seventieth Anniversary of Academician V. S. Stepin], In Kasavin, I.T. et al. (ed.), Moscow, Kanon+, pp. 483–493.

18. Fugate, C.D. (2023), "Baumgarten on the nature and role of metaphysics", *Metaphysics as a Science in Classical German Philosophy*, Dunphy, R., Lovat, T. (eds.), Routledge, NY, USA, pp. 50–72.

19. Narsky, I.S. (1985), "A. Baumgarten's philosophical and aesthetic ideas as one of the stimuli for Kant's theoretical development", *Kantovskiy sbornik*, no. 10, pp. 40–51.

20. Kant, I. (2024), *Kritik der reinen Vernunft. Kritik der praktischen Vernunft. Kritik der Urteilskraft*, Transl. by Losskii, N., Sokolov, N., Azbuka-Attikus, SPb., RUS.

21. Tedesco, S. (2021), "Preface to the Italian translation of A.G. Baumgarten's 'Aesthetics'", *Aesthetics*, Transl. by Belikov, G.S., Belousov, A.V., Bugay, D.V. et al., in Belousov, A.V., Shakhov, Yu.A. (ed.), Izd-vo un-ta Dmitriya Pozharskogo, Moscow, RUS, pp. 12–32.

22. Mikeshina, L.A. (2015), "Making of a Discipline in the Humanities in the Epoch of Enlightenment", *Philosophy and Culture*, no. 4, pp. 563–572. DOI: 10.7256/1999-2793.2015.4.14136

23. Razeev, D.N. (2010), *Teleologiya Immanuila Kanta* [Immanuel Kant's teleology], Nauka, SPb., RUS.

Information about the author

Denis A. Tekhov – Postgraduate Student at the Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, 5 Mendeleevskaya line, St Petersburg 199034, Russia. The author of 10 scientific publications. Area of expertise: philosophy of science, philosophy of history, history of antiquity.

No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 02.04.2026; adopted after review 20.05.2026; published online 17.11.2026.